

Капа фон Кааҗзебуу

О Боуи

5 - 6

Карл фон Клаузевиц

О войне. Части 5-6

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5311253

О войне (5-6) / Пер. с нем. А. К. Рачинского.: РИМИС; Москва; 2009

ISBN 978-5-9650-0063-0, 978-5-9650-0061-6

Аннотация

Карл фон Клаузевиц – выдающийся прусский писатель, полководец и военный теоретик. Труд фон Клаузевица «О войне» произвел переворот в теории войны. Его книга отличается яркостью, четкостью изложения, а также резкой критикой в адрес многих военных событий. В своей работе он отводит большое место политике, ее влиянию на ход войны, зависимости ее исхода от силы и слабости отдельных политиков и полководцев. Недаром его знаменитая фраза «война есть продолжение политики иными, насильственными средствами» сохраняет актуальность и по сей день.

Содержание

Часть пятая. Вооруженные силы	5
Глава I. Общий обзор	5
Глава II. Театр войны, армия, поход	6
1. Театр войны	6
2. Армия	7
3. Поход	8
Глава III. Соотношение сил	10
Глава IV. Соотношение родов войск	16
Глава V. Боевой порядок армии	34
Глава VI. Группировка армии[16]	47
Глава VII. Авангард и сторожевое охранение	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Карл фон Клаузевиц

О войне. Части 5-6

© Издательство «РИМИС», издание, оформление, 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Выражаем искреннюю благодарность семье Рачинских и лично Наталье Андреевне Рачинской за согласие на издание перевода, а также за помощь в подготовке книги к изданию. Выражаем благодарность Зое Геннадьевне Лисичкиной, помощнику директора Музея-усадьбы «Абрамцево», а также правнуку Саввы Ивановича Мамонтова – Сергею Николаевичу Чернышеву за помощь в работе над книгой.

Часть пятая. Вооруженные силы

Глава I. Общий обзор

Мы рассмотрим вооруженные силы:

- 1) в отношении численности и состава;
- 2) по их состоянию вне боя;
- 3) с точки зрения их довольствия и, наконец;
- 4) в их общих отношениях к местности.

Следовательно, в этой части мы займемся теми отношениями вооруженных сил, которые надо рассматривать лишь как необходимые условия борьбы, но которые не являются самой борьбой. С последней они находятся в более или менее тесной связи и взаимодействии, а потому при применении боя о них часто будет заходить речь; однако предварительно мы должны раз навсегда исследовать каждое из них само по себе как отдельное целое по его существу и особенностям.

Глава II. Театр войны, армия, поход

Природа предмета не дает возможности дать точное определение этих трех различных факторов в отношении пространства, массы и времени; но дабы порой не вызвать неправильного толкования наших слов, мы должны несколько уточнить те понятия, которые мы намерены в большинстве случаев вкладывать в эти термины.

1. Театр войны

Обычно под театром войны разумеют часть всего охваченного войной пространства, границы которого являются прикрытыми и которое потому обладает определенной самостоятельностью. Обеспечение границ театра военных действий может быть достигнуто крепостями, значительными местными рубежами, а также значительным удалением от остального пространства, охваченного войной. Такая часть представляет собой не только кусок целого, но и сама является небольшим целым, и благодаря этому перемены, происходящие на остальном захваченном войной пространстве, оказывают на нее не непосредственное, а лишь косвенное влияние. Если желательно установить точный признак, то таковым может быть только возможность представить себе на одном театре наступление, а на другом – в то же самое время –

отступление; или оборонительные действия на одном, а наступательные – на другом. Но мы не всегда будем придерживаться такого строгого определения этого понятия; здесь мы желаем отметить лишь существенный его признак.

2. Армия

Пользуясь понятием театра войны, нетрудно установить, что такое армия: это та масса бойцов, которая находится на одном и том же театре войны. Однако это определение не вполне обнимает обычное словоупотребление. Блюхер и Веллингтон в 1815 г. стояли во главе двух отдельных армий, хотя они действовали на одном театре войны. Таким образом, другим признаком армии является главное командование. Между тем этот признак очень близок к предыдущему, ибо при правильной организации на одном театре войны должен быть один главнокомандующий, и этот начальник на отдельном театре войны должен всегда обладать соответственной степенью самостоятельности.

Одна только абсолютная численность армии играет меньшую роль при ее наименовании, чем это может казаться на первый взгляд. Ибо там, где несколько армий действуют совместно на одном и том же театре войны, и притом под одним верховным командованием, они носят это название не по причине своей численности, но сохраняют его от прежних отношений (1813 г., армия Силезская, Северная армия

и пр.). Большую массу войск, которая предназначена действовать на одном театре войны, будут делить на корпуса, но отнюдь не на армии; по крайней мере это противоречило бы обычному способу наименования, которое, следовательно, имеет глубокие корни в существе дела. С другой стороны, было бы педантизмом высказывать притязание на название армии для всякого партизанского отряда, который самостоятельно хозяйничает в отдельной провинции; однако надо заметить, что никого не поражает, когда говорят о Ван-дейской армии во время революционных войн, хотя последняя порою не была многим сильнее такого отряда.

Таким образом, понятия армии и театра войны являются, как правило, сопряженными и взаимно обуславливающими друг друга.

3. Поход

Хотя часто понимают под *походом* те военные действия, которые в течение одного года происходят на всех театрах войны, тем не менее более обычно и более точно то словопотребление, которое под походом понимает действия, происходившие на одном театре войны. Однако нехорошо, когда при этом ограничиваются понятием годичности, ибо войны уже не разделяются сами собою на годичные походы определенным и продолжительным занятием зимних квартир. Но так как вместе с тем события, происходящие на одном те-

атре войны, сами распадаются на известные более крупные отдельные отрезки времени, а именно тогда, когда заканчиваются непосредственные следствия какой-либо – более или менее значительной – катастрофы и завязываются новые осложнения, то надо принимать во внимание эти естественные периоды, дабы отнести к известному году (походу) принадлежащие к нему события. Никто не оборвет кампанию 1812 г. на р. Немане, где находились армии к 1 января 1813 г., и не отнесет дальнейшего отступления французов до Эльбы к походу 1813 г., ибо очевидно, что оно составляет часть их общего отступления от Москвы.

Установление этих понятий не отличается большой отчетливостью, но не представляет особого неудобства, так как они не предназначаются, подобно философским определениям, быть источником дальнейших определений. Они должны служить лишь для того, чтобы придать изложению несколько большую ясность и определенность.

Глава III. Соотношение сил

В VIII главе 3-й части мы указали, какую ценность имеет в бою численное превосходство, а следовательно, и значение, которое имеет общий перевес сил для стратегии; отсюда вытекает важность соотношения сил; мы должны здесь высказаться о нем несколько подробнее.

Если мы рассмотрим без предубеждения историю современных войн, то будем вынуждены сознаться, что численное превосходство с каждым днем приобретает все более и более решающее значение; поэтому правило быть возможно сильным в момент решительного боя в настоящее время мы должны ценить несколько больше, чем когда бы то ни было раньше.

Храбрость и дух войска во все времена повышали физические силы, так будет и впредь. Но мы встречаем в истории также периоды, когда резкое превосходство в устройстве и вооружении войск давало значительный моральный перевес; в другие периоды такой же перевес давала большая подвижность войск; далее оказывали влияние вновь вводимые системы тактики; затем военное искусство увлеклось стремлением к искусному использованию местности, руководимому широкими и многообъемлющими принципами; на этой почве одному полководцу время от времени удавалось выиграть у другого значительные преимущества; однако это стремле-

ние скоро исчезло и должно было уступить место более естественным и простым приемам. Если же мы без предвзятости взглянем на опыт последних войн, то будем вынуждены сказать, что ни в целых походах, ни в решительных боях, т. е. генеральных сражениях, подобные явления уже почти не наблюдались; отсылаем читателя ко второй главе предыдущей части¹.

Армии в наши дни настолько стали схожи между собой и вооружением, и снаряжением, и обучением, что между лучшими из них и худшими особо заметного различия в этом отношении не существует. Степень подготовки научных сил, правда, еще, пожалуй, представляет существенные различия, но она главным образом приводит лишь к тому, что одни являются инициаторами и изобретателями тех или иных усовершенствований, а другие – их быстрыми подражателями. Даже полководцы подчиненного порядка – командиры корпусов и дивизий – всюду держатся одних и тех же взглядов и методов в отношении своей профессии; таким образом, кроме таланта главнокомандующего, который едва ли можно мыслить состоящим в каком-либо постоянном соотношении с уровнем культурного развития народа и армии и который, напротив, является всецело делом случая, – одна лишь втянутость войск в войну может еще дать одной из сторон заметное преимущество перед другой. Чем больше бу-

¹ Т. е. к характеристике сражения, данной по опыту Бородина и вообще походов 1812 и 1813 гг. – *Ред.*

дет равновесие во всем этом, тем более решительное влияние оказывает численное соотношение сил.

Характер, который носят современные сражения, является результатом этого равновесия. Стоит лишь прочесть без предубеждения описание Бородинского сражения, где первая армия в мире – французская – померилась с русской армией, которая, несомненно, по многим сторонам своей организации и по степени подготовки отдельных ее частей могла быть признана наиболее отсталой. Во всем ходе сражения не наблюдается ни малейшего проявления большого искусства или интеллигентности; это спокойная борьба между собою противостоявших сил, а так как последние были почти равными, то и не могло произойти ничего иного, как только медленное опускание чаши весов на ту сторону, на которой была большая энергия в руководстве и большой боевой опыт армии. Мы выбрали как пример именно это сражение потому, что в нем более, чем в каком-либо другом, стороны были численно равны.

Мы не утверждаем, что все сражения таковы, но таков основной тон большинства.

В таких сражениях, где стороны так медленно и методически меряются силами, излишек этих сил у одной из сторон должен дать очень надежный перевес. В действительности напрасно мы будем искать в истории современных войн таких сражений, в которых победа была бы одержана над вдвое сильнеешим противником, что в прежние времена все

же случалось гораздо чаще. Бонапарт, величайший полководец нашего времени, во всех своих победоносных генеральных сражениях, за исключением сражения под Дрезденом в 1813 г., всегда умел сосредоточить более сильную или, во всяком случае, лишь немногим уступавшую противнику армию, а там, где это ему не удавалось, как под Лейпцигом, Бриенном, Ланом (Лаоном) и Ватерлоо, он терпел поражение.

Абсолютная численность является в стратегии большею частью такой данной, которую полководец не может уже изменить. Отсюда, однако, нельзя прийти к заключению, что вести войну с значительно слабейшей армией невозможно. Война не всегда является свободным решением политики, и менее всего она бывает такою там, где силы крайне неравны; следовательно, на войне мыслимо всякое соотношение сил, и странной была бы теория войны, которая ретировалась бы как раз там, где в ней нужна будет наибольшая.

Как бы ни была желательна с точки зрения теории известная соразмерность сил, все же даже в случае крайнего их несоответствия теория не может умыть себе руки и заявить, что она в данном случае неприложима. Никаких границ здесь установить невозможно.

Чем слабее силы, тем меньше должны быть и цели и тем короче будет продолжительность². В этих двух направлениях слабейшая сторона не может уступить в пространстве, ес-

² Применения этих сил. — *Ред.*

ли можно так выразиться. Какие изменения вносит в процесс войны размер сил, мы будем иметь возможность выяснять лишь постепенно, по мере того, как будем встречаться с этим вопросом; здесь же мы довольствуемся указанием общей точки зрения; для большей ясности добавим еще следующее.

Чем больше нехватка сил у стороны, вовлеченной в неравную борьбу, тем сильнее под давлением опасности должны стать их внутреннее напряжение и энергия. Там же, где наблюдается обратное явление, где вместо героического отчаяния наступает отчаяние малодушия, там, конечно, военному искусству делать нечего.

Если с этой энергией сочетается мудрая умеренность в замечаемых целях, тогда возникает игра блестящих ударов и осторожной сдержанности, чем мы столь восхищаемся в войнах Фридриха Великого.

Однако чем меньше могут достигнуть умеренность и осторожность, тем более важным являются напряжение и энергия всех сил. Там, где несоответствие сил настолько велико, что никакая степень ограничения собственных целей не может спасти от гибели, или когда вероятная продолжительность опасности настолько велика, что самое бережливое применение сил не может привести к цели, — напряжение всех сил будет или должно быть сосредоточено в одном-единственном отчаянном ударе; теснимый, уже не рассчитывая на помощь со стороны, которой взяться неотку-

да, будет целиком возлагать свою последнюю надежду на моральное превосходство, которое придается каждому храброму человеку отчаянием. Крайнюю смелость он будет рассматривать как высшую мудрость, в крайнем случае он прибегнет к дерзкой хитрости, и если ему не суждено иметь удачи – он в гибели с честью обретет право на будущее воскресение.

Глава IV. Соотношение родов войск

Мы будем говорить лишь о трех главных родах войск: о пехоте, кавалерии и артиллерии. Да будет мне дозволено привести нижеследующий анализ, относящийся преимущественно к области тактик, но необходимый для большей точности мышления.

Бой состоит из двух существенно отличных составных частей: уничтожения огнем и рукопашной схватки или индивидуального боя; последний в свою очередь является или нападением или обороной (нападение и оборона должны в данном случае, когда мы говорим об элементах, пониматься совершенно абсолютно). Артиллерия, очевидно, действует исключительно поражением огнем, кавалерия – лишь путем индивидуального боя, пехота – тем и другим способом.

Существо обороны в индивидуальном бою заключается в том, чтобы стоять твердо, будто пустив корни в почву; существо атаки – в движении. Кавалерия совершенно лишена первой способности, зато имеет преимущество в обладании второй. Таким образом, она пригодна лишь для атаки. Пехота в основном обладает способностью стойко держаться, но также в известной степени не лишена и способности к движению.

Из этого распределения элементарных сил между разными родами войск вытекают превосходство и универсаль-

ность пехоты по сравнению с двумя другими родами войск, так как только она объединяет в себе все три элементарные силы. Далее из этого ясно вытекает, что соединение всех трех родов войск приводит к более полному использованию сил на войне, ибо благодаря такому соединению мы приобретаем возможность по желанию усиливать то или другое начало, которое всегда в одной и той же пропорции представлено в пехоте.

Уничтожающее начало огневого действия в наших современных войнах имеет, очевидно, наибольшую действительность; тем не менее столь же очевидно, что на индивидуальный бой, лицом к лицу, надо смотреть как на подлинную основу боя. На войне армия, состоящая из одной артиллерии, являлась бы полной нелепостью, армия же, состоящая из одной кавалерии, мыслима, но сила ее имела бы крайне ничтожную интенсивность. Армия, состоящая из одной пехоты, была бы не только мыслима, но и гораздо более сильна. Отсюда в отношении самостоятельности порядок, в котором располагаются три рода войск, следующий: пехота, кавалерия, артиллерия.

В ином отношении стоят они, однако, в смысле сравнительного значения каждого рода войск при соединении их вместе. Так как начало уничтожения³ гораздо более действительно, чем начало движения, то полное отсутствие кавалерии гораздо менее ослабило бы армию, чем полное отсут-

³ Огнем. — Ред.

ствие артиллерии.

Армия, состоящая из одной артиллерии и пехоты, хотя и оказалась бы в неприятном положении при столкновении с армией, обладающей всеми тремя родами войск, но если бы недостающая у нее кавалерия была заменена соответственным количеством пехоты, то при несколько измененном способе действия она все же справилась бы со своим тактическим обиходом. Она, конечно, несколько затруднялась бы в сфере сторожевой службы; она никогда не могла бы с достаточной энергией преследовать разбитого неприятеля и могла бы отступить лишь с большим трудом и усилиями; но самих по себе этих затруднений не было бы достаточно для того, чтобы заставить ее окончательно отказаться от действий в поле. Напротив, она прекрасно выполнила бы свою роль против другой армии, которая состояла бы из одной пехоты и кавалерии; как эта последняя армия могла бы устоять против армии, составленной из всех родов войск, трудно себе и представить.

Что эти соображения о сравнительном значении отдельных родов оружия представляют собою абстракцию, относящуюся только к нормальному большинству случаев, встречающихся на войне, разумеется само собою, и мы, конечно, не имеем в виду относить найденные положения к конкретной обстановке каждого частного боя. Батальон, несущий сторожевую службу или совершающий отступление, пожалуй, лучше предпочтет иметь при себе эскадрон, чем несколько

пушек. Массе кавалерии и конной артиллерии, быстро преследующей или обходящей бегущего неприятеля, вовсе не требуется пехота и т. д.

Сведя воедино вышеизложенные соображения, мы приходим к выводу, что:

- 1) пехота – самый самостоятельный род войск;
- 2) артиллерия не обладает никакой самостоятельностью;
- 3) при соединении всех трех родов войск пехота является важнейшим;
- 4) легче всего можно обойтись без кавалерии;
- 5) соединение всех трех родов войск дает наибольшую силу.

Раз соединение всех трех родов войск дает наибольшую силу, то, естественно, возникает вопрос об абсолютно наилучшем их соотношении; но ответить на этот вопрос почти невозможно.

Если бы было возможно сравнить затрату средств, какую требует создание и содержание различных родов войск, а затем и пригодность каждого из них на войне, то тогда должен был бы получиться определенный результат, который в совершенно отвлеченной форме выразил бы наилучшее соотношение между ними. Но это лишь бесплодная игра воображения. Даже первый член этой пропорции трудно определяется; один фактор – денежные расходы – может быть определен, что же касается другого фактора – ценности человеческой жизни, то выразить его в цифрах никто не захочет.

То обстоятельство, что каждый из трех родов войск опирается по преимуществу на отдельную часть государственных средств: пехота – на численность населения, кавалерия – на количество лошадей, артиллерия – на денежные средства, вносит в расчет лишние данные, преобладание которых мы и можем довольно ясно усмотреть в крупных чертах истории различных народов и различных эпох.

Но, не имея возможности по иным причинам совершенно обойтись без масштаба для сравнения, мы вынуждены вместо первого члена пропорции в его целом пользоваться лишь одним из его факторов, который мы действительно можем установить, а именно – размером денежных затрат. По этому поводу мы с достаточной для нас точностью можем в общем сказать, что согласно обычной практике эскадрон в 150 лошадей, батальон в 800 человек и батарея в 8 шестифунтовых орудий являются величинами, приблизительно равными по своей стоимости.

Что касается другого члена пропорции, а именно – сколько каждый род войск дает по сравнению с другим, то установить для него определенную величину еще труднее. До некоторой степени это еще было бы возможно, если бы дело сводилось к одному началу уничтожения; но каждый род войск имеет свое особенное назначение и, следовательно, свой особый круг деятельности; последний же в свою очередь является не настолько определенным, чтобы не мог быть большим или меньшим; это вызывает лишь видоизменения в ведении

войны, но не причиняет решительного ущерба.

Часто ссылаются на то, что говорит об этом опыт, и думают найти в военной истории достаточные основания для определенных утверждений; но каждый должен сознаться, что все это – одни фразы не опирающиеся на что-либо основное и неизбежное, а потому они для нашего исследования не имеют никакой цены.

Если бы даже можно было представить себе определенную величину, при которой образуется наилучшее соотношение разных родов войск, то таковая представит собою не искомое X , а простую игру воображения; однако все же можно сказать, какие следствия явятся результатом большого численного перевеса одного из родов войск или же значительного его недостатка по сравнению с тем же родом войск в неприятельской армии.

Артиллерия усиливает разрушительное огневое начало; она – самое страшное оружие, и, следовательно, недостаток в ней особенно понижает интенсивную силу армии. С другой стороны, она представляет собой наименее подвижный род войск, и, следовательно, она делает армию тяжеловесной; далее, она всегда нуждается в войсках для прикрытия, ибо совершенно неспособна к индивидуальному бою; если она излишне многочисленна, так, что части прикрытия, которые могут быть для нее выделены, не всюду будут в состоянии выдержать напор атакующих масс неприятеля, то ее часто придется терять; при этом обнаруживается еще одна невы-

года, а именно, что из всех трех родов войск она как раз тот, который в отношении своих главных частей – орудий и повозок – весьма скоро может быть использован против нас.

Кавалерия увеличивает начало подвижности в армии. Если она слишком малочисленна, то это ослабляет быстроту развития хода военных событий, так как все должно делаться гораздо медленнее (пешком) и все должно организовываться с большей осторожностью; богатая жатва победы уже не косится косой, а жнется серпом.

Чрезмерное количество кавалерии никогда не может рассматриваться как непосредственный источник слабости вооруженных сил, как внутреннее неудобство; оно будет таковым лишь косвенно, в отношении трудности содержания ее, имея в виду, что вместо избыточных 10000 кавалеристов можно было бы иметь 50000 пехотинцев.

Эти особенности, вытекающие из преобладания какого-нибудь одного рода войск, тем важнее для военного искусства, понимаемого в более узком смысле слова, что последнее указывает нам методы использования имеющихся налицо вооруженных сил, состав же этих сил поступает в распоряжение главнокомандующего как готовая данная, при определении которой он играет сравнительно незначительную роль.

Итак, если мы захотим представить себе характер ведения войны, измененный вследствие преобладания какого-либо рода войск, то он будет рисоваться в следующем виде.

Избыток артиллерии приводит к преимущественно оборонительному, пассивному характеру действий; при этом будут искать спасения главным образом в укрепленных позициях, в значительных естественных рубежах, даже в горных позициях, дабы местные преграды принимали на себя оборону и защиту многочисленной артиллерии, а неприятельские силы сами шли бы под ее губительный огонь. Вся война будет вестись серьезным, формально размеренным темпом менуэта.

Напротив, недостаток артиллерии побудит нас отдавать предпочтение активному принципу подвижности. Переходы, труды и усилия станут нашим своеобразным оружием; война получит разнообразный, оживленный, замысловатый характер; крупные события будут разменены на мелкую монету.

При весьма многочисленной кавалерии мы будем искать широкого простора равнин и любить размах крупных движений. Находясь на значительном расстоянии от неприятеля, мы будем пользоваться большим покоем и удобствами, но не будем давать ему возможность пользоваться ими. Мы будем предпринимать отважные обходы и вообще смелые движения, ибо мы хозяева пространства. Поскольку диверсии и набегии могут быть действительными вспомогательными средствами войны, мы будем иметь возможность легко их применять.

Решительный недостаток в кавалерии уменьшает подвиж-

ность армии, не усиливая ее истребительного начала, как то делает избыток артиллерии. Тогда осторожность и методичность образуют основной характер войны. Постоянное нахождение вблизи от противника, чтобы не терять его из виду; отказ от быстрых, а тем более торопливых и опрометчивых движений; всегда медленное передвижение хорошо сосредоточенных масс; предпочтение, оказываемое пересеченной местности и обороне, а там, где должно быть произведено наступление, кратчайшее направление на центр тяжести неприятельской армии – таковы естественные тенденции в подобном случае.

Эти различные направления, принимаемые способом ведения войны в зависимости от преобладания того или другого рода войск, редко будут столь глубоко влиятельными и широко объемлющими, чтобы они одни – или по преимуществу одни – определяли ход всех операций. Если мы останавливаем свой выбор на стратегическом наступлении или на обороне, на действиях на том или другом театре войны, на генеральном сражении или на ином каком-либо средстве истребления, то мы руководимся другими существенными обстоятельствами; во всяком случае, если это будет не так, то надо опасаться, как бы мы не приняли второстепенное за главное. Но даже в тех случаях, когда главные вопросы уже решены на основе других данных, все же остается известный простор для проявления влияния, оказываемого преобладанием того или другого рода войск, ибо в наступлении мож-

но быть осторожным и методичным, а в обороне — смелым и предприимчивым и т. д. во всех стадиях и оттенках боевой жизни.

С другой стороны, природа войны может оказывать существенное влияние на соотношение различных родов войск.

Во-первых, народная война, опирающаяся на ландвер и ландштурм, естественно, приводит к организации значительного количества пехоты, ибо в такой войне ощущается больший недостаток в средствах для снаряжения, чем в людях, а так как в таких случаях снаряжение ограничивается самым необходимым, то легко можно допустить, что вместо одной восьмиорудийной батареи может быть выставлен не один батальон пехоты, а целых два или три.

Во-вторых, если слабая сторона в борьбе с сильной не может прибегнуть к вооружению широких масс или к какому-нибудь ополчению, приближающемуся к этой организации, то увеличение артиллерии представляет, конечно, кратчайший путь к тому, чтобы хотя бы до некоторой степени довести до равновесия свои слабые силы, ибо этим путем берегутся люди и повышается самое существенное начало своих вооруженных сил — начало истребления. Кроме того, в этом случае театр войны по большей части будет ограничен тесными пределами, а тогда этот род войск окажется более всего подходящим. Фридрих Великий прибег к этому средству в последние годы Семилетней войны.

В-третьих, кавалерия есть оружие движения и круп-

ных решительных действий; поэтому увеличение ее состава сверх обычной нормы важно при весьма обширных пространствах, широкой маневренности и при наличии намерения нанести решительные удары. Бонапарт являет тому яркий пример.

Что наступление и оборона, собственно говоря, сами по себе не могут в данном случае оказать влияния, станет для нас ясным лишь тогда, когда мы будем говорить об этих видах военной деятельности; сделаем лишь одно предварительное замечание, а именно, что обе стороны – как наступающая, так и обороняющаяся – обыкновенно проходят по одной и той же местности, а также, по крайней мере во многих случаях, могут преследовать те же решительные цели. Вспомним поход 1812 г.

Согласно общераспространенному мнению, в средние века кавалерия своей численностью значительно превосходила пехоту, и это соотношение постепенно, вплоть до наших дней, складывалось к невыгоде кавалерии. Однако это – по крайней мере отчасти – представляет собою недоразумение. Численность кавалерии по отношению к пехоте была немного больше, в чем нетрудно убедиться, проследив внимательно более точные цифровые данные о вооруженных силах средних веков. Вспомним хотя бы о тех пехотных массах, которые составляли войска крестоносцев или следовали за императорами в их итальянских походах. Но значение кавалерии в те времена было действительно гораздо большее. Она

являлась более могучим родом войск; составлялась она из отборной части народа, и притом так, что, значительно уступая в численности, она все же рассматривалась как самая главная; с пехотой мало считались и о ней почти не упоминали; отсюда сложилось мнение, будто в те времена ее было очень мало. Правда, при небольших междоусобных войнах, происходивших в Германии, Франции и Италии, чаще, чем теперь, могли быть случаи, когда вся немногочисленная армия состояла из одной конницы; так как она представляла самый главный род войск, то в этом не заключалось никакого противоречия; однако такие случаи не могут считаться решающими для определения общей нормы, так как последняя определяется главным образом большими армиями. Лишь тогда, когда в деле ведения войны ленные отношения потеряли всякое значение, а войны стали вестись при помощи наемных, оплачиваемых солдат, на базе вербовки и денег, т. е. в эпоху Тридцатилетней войны и Людовика XIV, окончательно прекратилось это пользование большими массами малополезной пехоты; пожалуй, тогда снова вернулись бы исключительно к коннице, если бы благодаря заметному усовершенствованию огнестрельного оружия пехота не приобрела большего значения; этим она сохранила свое численное преобладание над кавалерией; в этот период соотношение между пехотой и кавалерией, когда пехоты было мало, выражалось в цифрах 1:1, а когда пехота была очень многочисленна, то она относилась к коннице, как 3:1.

С тех пор, по мере совершенствования огнестрельного оружия, кавалерия все более теряет свое значение. Это само собою понятно; однако указанное совершенствование касается не только самого оружия и умения им пользоваться, но и умения употреблять в дело войска, по-новому вооруженные. В сражении при Мольвице пруссаки довели свое умение пользоваться огнем до высшей степени, превзойти которое не удалось и в позднейшие времена. Однако пользование пехотой на пересеченной местности и применение огнестрельного оружия в стрелковом бою появились лишь позднее и должны рассматриваться как крупный шаг вперед в акте истребления.

Таким образом, наше мнение сводится к тому, что соотношение между кавалерией и пехотой с точки зрения численности мало изменилось, значение же того и другого рода войск изменилось чрезвычайно. Это на первый взгляд кажется противоречием, но в сущности не является таковым. Дело в том, что в средние века пехота достигла такого значительного численного перевеса над конницей не по своему внутреннему отношению к последней, а по той причине, что все то, что нельзя было поставить в виде значительно более дорогого рода войск, выставлялось в виде пехоты; следовательно, пехота являлась лишь возможным выходом из трудного положения, а конница, если бы численность ее определялась исключительно ее значением, никогда не могла бы быть слишком многочисленной. По этой-то причине стано-

вится понятным, почему, несмотря на потерю значительной доли своего значения, кавалерия все же достаточно сохранила его для того, чтобы удержаться в том же численном отношении к пехоте, какое она до сих пор так упорно сохраняет.

Действительно, нельз не отметить, что, по крайней мере со времени войны за австрийское наследство, отношение кавалерии к пехоте не изменилось, колеблсь в пределах $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{6}$. По-видимому, это указывает на то, что именно такое соотношение удовлетворит естественную потребность и что им выражаютс как раз те величины, которые установить непосредственно не представлется возможным. Мы, однако, в этом сомневаемс и полагаем, что во многих случаях в пользу увеличени численности кавалерии действовали особые, исключительные основани.

Росси и Австри представляют собою государства, которые наталкиваютс на такое увеличение, ибо они еще располагают в составе своих владений обломками татарских организаций⁴. Бонапарт никогда не мог собрать достаточных сил дл своих целей; использовав конскрипцию до крайнего предела, он имел возможность усилить свою армию лишь путем увеличени вспомогательных родов войск⁵, дл которых требуется больше денег, чем человеческого материала. Нельз притом

⁴ Намек на казаков, которые вообще пользуются вниманием Клаузевица и которых он лично наблюдал при Бородине, находясь в отряде Уварова. – *Ред.*

⁵ Клаузевиц понимает здесь под вспомогательными родами войск конницу и артиллерию. – *Ред.*

упускать из виду, что при огромных размерах его походов кавалери должна была получать гораздо большую ценность, нежели в обыденных случаях.

Фридрих Великий, как известно, осмотрительно учитывал каждого рекрута, которого он мог сберечь дл своей страны; главный его промысел заключалс именно в том, чтобы поддерживать свою армию в сильном составе за счет иностранных государств. Что к этому у него было полное основание, станет понятным, если вспомнить, что из своих небольших владений он лишился еще прусских и вестфальских провинций⁶. А кавалерия, помимо того что она вообще требует меньше народа, гораздо легче пополняется при помощи вербовки; к этому присоединялась и его система ведения войны, основанная на превосходстве в подвижности; таким-то образом и произошло, что, в то время как пехота у него таяла, кавалерия до самого конца Семилетней войны численно непрерывно росла. Все же в конце этой войны кавалерия по численности едва достигала одной четверти выступавшей в поле пехоты.

В наполеоновскую эпоху, впрочем, мы можем встретить достаточное число примеров, когда армии, обладавшие необычайно слабой кавалерией, все же одерживали победу. Самый яркий пример этого – сражение при Гросс-Гершене⁷. Силы Бонапарта, если считать те дивизии, которые прини-

⁶ Заняты были противником в Семилетнюю войну. – *Ред.*

⁷ Или Люцене в 1813 г. – *Ред.*

мали участие в бою, равнялись 100000 человек, в том числе 5000 кавалерии и 90 000 пехоты; у союзников же было 70000 человек, из которых 25000 кавалерии и 40000 пехоты. Таким образом, у Бонапарта, имевшего на 20000 человек кавалерии меньше, чем неприятель, было на 50000 человек пехоты больше; а следовало бы иметь пехоты на 100000 больше⁸. Если он все же выиграл сражение при таком перевесе пехоты, то спрашивается, мог ли бы он его проиграть при условии, что отношение сил было бы 140000 к 40000?

Правда, тотчас после окончания сражения сказалась огромная выгода нашего превосходства в кавалерии, ибо Бонапарт почти не захватил никаких трофеев. Таким образом, выиграть сражение – еще не все; однако не является ли это все же самым существенным?

Ввиду таких соображений нам кажется сомнительным, чтобы установившееся и сохранившееся до нас в последние 80 лет численное соотношение между кавалерией и пехотой было естественным и вытекающим исключительно из их абсолютной ценности; напротив, мы того мнения, что после многих колебаний соотношение этих двух родов войск подвергнется новому изменению в том же направлении, причем относительная численность кавалерии в конце концов значительно сократится.

Что касается артиллерии, то число орудий естественно

⁸ Клаузевиц исходит из расчета 5 пехотинцев на 1 кавалериста, считая батальон за эскадрон. – *Ред.*

возрастало с момента их изобретения по мере их облегчения и усовершенствования; однако со времен Фридриха Великого и до наших дней ее отношение к пехоте сохраняется довольно устойчиво – два или три орудия на каждую тысячу человек. Понятно, что эти цифры относятся к началу кампании, ибо в течение ее артиллерия тает не в такой прогрессии, как пехота; поэтому к концу кампании это соотношение значительно увеличивается и может быть оценено как 3, 4 и до 5 орудий на каждую тысячу человек. Является ли такое соотношение естественным, или же увеличение числа орудий может возрасти без ущерба для ведения войны в целом, – этот вопрос должен разрешить опыт⁹.

Итак, если мы подведем окончательный итог всему вышесказанному, то получится следующая картина:

- 1) пехота является главным родом войск, по отношению к которому остальные два являются подчиненными;
- 2) недостаток в этих двух родах войск может быть до некоторой степени восполнен большим искусством и энергичной деятельностью в ведении войны, при предпосылке, что пехота соответственно сильнее и лучше;
- 3) без артиллерии труднее обойтись, чем без кавалерии, ибо она представляет главное начало истребления, и действия ее в бою более тесно слиты с действиями пехоты;

⁹ К началу мировой войны 1914–1918 гг. на 1000 пехотинцев по нормальной германской организации приходилось уже свыше шести орудий. На ударных участках мировой войны в позиционный период сосредоточивалось свыше тридцати орудий на 1000 бойцов. – *Ред.*

4) так как в деле истребления артиллерия представляет наиболее сильный род войск, а кавалерия – наиболее слабый, то в общем вопрос надо ставить так: до какого предела можно усиливать артиллерию без особого ущерба и каким минимальным количеством кавалерии можно обойтись?

Глава V. Боевой порядок армии

Боевой порядок – это то подразделение и объединение родов войск в отдельные члены всего целого и та форма их построения, которые должны остаться нормой для всей кампании или войны¹⁰.

Таким образом, он заключает в себе до известной степени арифметический и геометрический элементы – подразделение и построение. Первое исходит из постоянной организации армии мирного времени, воспринимает известные части, как то: батальоны, эскадроны, полки и батареи, – за единицы и образует из них более крупные члены вплоть до целого – сообразно с требованиями обстановки.

Точно таким же способом и построение исходит из элементарной тактики, в соответствии с которой войска в мирное время обучаются и упражняются и на которую в основном во время войны приходится смотреть, как на мало подлежащую изменению данную¹¹. Затем построение связывается с условиями применения войск на войне в крупных мас-

¹⁰ Подразделение – это боевое расписание армии, которое и ныне сохраняет известную продолжительность действия, хотя современные переброски резервов и перегруппировки вносят в него много изменений; построение, т. е. группировка сил, изменяется теперь с каждой новой задачей. Более соответствовало бы содержанию такое наименование этой главы: «Боевое расписание армии». – *Ред.*

¹¹ В настоящее время под влиянием быстрого развития техники тактика поддается в самом ходе войны неоднократной капитальной ломке. – *Ред.*

сах и, таким образом, в общем определяет тот нормальный порядок, в котором войска вступают в бой.

Так было во все времена, когда большие армии выступали в поход; была даже эпоха, когда форма построения войск признавалась самым существенным фактором боя.

Когда в XVII и XVIII столетиях усовершенствование огнестрельного оружия заставило сильно увеличить численность пехоты и растянуть ее в тонкие длинные линии, боевой порядок стал благодаря этому проще, но в то же время построение его стало трудным и искусственным. При этом уже решительно не знали, куда девать кавалерию, кроме размещения ее на флангах, где не было стрельбы и где у нее был простор для действий на коне; таким образом, боевой порядок всякий раз обращал армию в замкнутое неделимое целое. Стоило перерезать такую армию пополам, и она уподоблялась разрезанному надвое земляному червю; крылья продолжали еще жить и двигаться, но уже не могли выполнять свои органические – функции. Армии как бы находились под известного рода заклятием единства, и всякий раз, когда требовалось выделить какую-либо часть, необходимо было провести небольшую реорганизацию и дезорганизацию. Армия в состоянии марша находилась в известной степени вне закона. Если неприятель находился поблизости, то марш должен был организовываться с крайним искусством; одну из линий или крыло приходилось вести через всякого рода естественные преграды на сносном интервале от других частей. Воз-

возможность совершать такие переходы приходилось точно во-
ровать у противника, и единственное обстоятельство, кото-
рое делало это хроническое воровство безнаказанным, за-
ключалось в том, что и противник находился под тем же са-
мым заклятием.

Поэтому, когда во второй половине XVIII столетия напали на мысль о том, что кавалерия может с таким же успехом охранять фланги, размещаясь позади армии, как и составляя ее продолжение по фронту, и что в первом случае она может быть использована и для многих других целей, помимо простого состязания с кавалерией противника, то этим уже был сделан значительный шаг вперед, этим путем армия на всем своем фронте, представляющем всегда главнейшее ее протяжение, оказалась состоящей из однородных членов. Ее можно было разбить на любое число частей, причем так, что каждая часть походила на другую и на общее целое. Армия перестала быть неделимым единством и обратилась в много-
членное целое, а отсюда стала гибкой и поворотливой. Части могли без особых затруднений отделяться от целого и снова к нему присоединяться, – боевой порядок не нарушался. Таким путем возникли соединения, составленные из всех родов войск, – точнее говоря, благодаря этому они стали возможными, ибо, конечно, потребность в них ощущалась гораздо раньше.

Вполне естественно, что вся эта эволюция определялась формами сражения. Когда-то сражение представляло собой

всю войну, и оно всегда останется ее сущностью. Вообще боевой порядок в большей мере относится к тактике, чем к стратегии; этим указанием на источник мы хотим лишь подчеркнуть, как тактика подразделением целого на меньшие целые уже подготовила почву для стратегии.

Чем значительнее становятся армии, чем шире они распределяются на больших пространствах, и чем многообразнее действия отдельных частей сплетаются одно с другим, тем больший простор открывается перед стратегией. Боевой порядок, как мы его понимаем¹², должен был вступить со стратегией в известное взаимодействие, которое проявляется главным образом в тех предельных точках, где тактика и стратегия соприкасаются между собою, а именно – в те моменты, когда общая группировка сил переходит в особый распорядок боя.

Теперь обратимся к трем пунктам: *подразделение армии, объединение различных родов оружия и построение* – и рассмотрим их в стратегическом отношении.

1. *Подразделение.*

С точки зрения стратегии никогда не следовало бы задавать вопрос о том, какой силы должны быть дивизия или корпус, а лишь о том, сколько корпусов или дивизий должно быть в армии. Нет ничего более неуклюжего, чем армия, раз-

¹² Клаузевиц, относя вопрос о построении боевого порядка к тактике, рассматривает боевой порядок со стратегической точки зрения только как боевое расписание, т. е. в чисто организационном отношении. – *Ред.*

деленная всего на три части, не говоря уже о делении ее на две части; такое деление почти нейтрализует главнокомандующего.

Определение численности крупных и мелких частей как на основе положений элементарной тактики, так и на основе высших тактических соображений открывает невероятно широкое поле для произвола, и одному богу известно все разнообразие рассуждений, развертывавшихся на этом просторе. Напротив, потребность в известном числе частей, входящих в состав самостоятельного целого, представляет нечто совершенно определенное и ясное, и эта мысль дает чисто стратегические основания для определения числа, а отсюда, конечно, и силы более крупных единиц; определение численности более мелких частей, как батальоны, роты и т. п., всецело остается в распоряжении тактики.

Нельзя себе представить самой мелкой изолированной единицы, в которой нельзя было бы различить трех частей, из которых одна часть может быть выдвинута вперед, одна часть задержана позади; конечно, четыре части представляют еще больше удобств; это вытекает из того, что средняя часть в качестве главных сил должна быть крупнее двух других; рассуждая дальше, можно дойти до восьми частей, что представляется нам наиболее подходящим для армии, если принять за постоянную необходимость иметь одну часть в качестве авангарда, три – в качестве главных сил, а именно: правое крыло, центр и левое крыло, две части как резерв и,

наконец, одну для выделения вправо и одну для выделения влево. Было бы педантизмом придавать этим цифрам и фигурам особое значение, но мы все же полагаем, что они отражают обычное, всегда повторяющееся стратегическое построение, благодаря чему и представляют собой весьма удобное подразделение.

Правда, руководство армией (да и руководство всяким целым) представляется чрезвычайно облегченным, когда главнокомандующему приходится иметь дело не более чем с тремя или четырьмя непосредственно ему подчиненными; но за это удобство полководец обыкновенно дорого расплачивается двояким образом.

Во-первых, чем длиннее иерархическая лестница, по которой должно спускаться приказание, тем это последнее более теряет в своей быстроте, силе и точности: это имеет место, когда между главнокомандующим и начальниками дивизий имеются еще и корпусные командиры; во-вторых, главнокомандующий утрачивает тем большую часть своей власти и действенности, чем шире круг деятельности его непосредственных подчиненных. Полководец, распоряжающийся 100000 человек, разделенных на восемь частей, обладает гораздо более интенсивной властью, чем в том случае, когда те же 100000 человек разделены всего на три части. На это имеется много разных причин; важнейшая из них та, что командир каждой части полагает, будто бы он имеет какие-то собственные права на все подчиненные ему вой-

ска, и потому упорствует почти всякий раз, когда какая-либо часть их отнимается у него на более или менее продолжительное время. Кто имеет хоть некоторый боевой опыт, тому это вполне ясно.

С другой стороны, нельзя доводить и числа отдельных частей до чрезмерно больших размеров, во избежание беспорядка. Штабу армии, состоящей из восьми частей, управлять уже не легко, и выше десяти доводить это число не следует. В дивизии же, где средства для доведения приказов до осуществления гораздо ограниченнее, подходящими являются более мелкие цифры: 4, максимум 5.

Если бы эти факторы (5 и 10) оказались недостаточными, т. е. если бы при этом бригады получились слишком большие, пришлось бы вставить еще корпусную организацию; при этом, однако, надо иметь в виду, что тем самым создается новая власть, которая сразу значительно снижает все прочие инстанции.

Что собственно надлежит разуметь под слишком крупной бригадой? Размер ее обыкновенно определяется числом от 2000 до 6000 человек, причем, по-видимому, существуют два основания для оправдания последнего предела: первое заключается в том, что бригада представляется как такая часть, которой один человек может непосредственно управлять, т. е. командование которою лежит в пределах голоса¹³,

¹³ Интересно проследить, как уменьшается часть под условием непосредственного командования голосом. Клаузевиц считает таковой единицей бригаду. Ген.

второе – что оставлять без артиллерии значительную массу пехоты нежелательно, а первичное объединение двух родов войск само собой создает особое подразделение.

Не будем углубляться в эти тактические тонкости и оставим в стороне спор о том, когда и в каком соотношении должно происходить объединение всех трех родов оружия: в дивизиях ли, состоящих из 8000 или 12000 человек, или в корпусах в 20000-30000 человек. Даже самые ярые противники подобного объединения¹⁴ не будут возражать против нашего утверждения, что лишь это объединение придаст самостоятельность частям и что для тех частей, которым приходится во время войны оказываться часто изолированными, оно по меньшей мере представляется желательным.

В армии, состоящей из 200000 человек и подразделенной на десять дивизий, из которых каждая в свою очередь подразделена на пять бригад, бригада равнялась бы 4000 человек. В этом случае мы ни в чем не усматриваем какой-либо аномалии. Правда, такую армию можно подразделить и на пять корпусов, а каждый корпус на четыре дивизии и диви-

Войде, переводчик Клаузевица в начале этого столетия, сомневался в возможности управлять так даже батальоном, видимо, допуская это для роты, а современный французский устав только боевую группу (в 10–12 человек) считает такой единицей, какою ее начальник будет всегда управлять непосредственно голосом. – *Ред.*

¹⁴ В первой половине XIX века артиллеристы возражали против включения в мирное время артиллерии в состав общевойсковых соединений; подчинение батарей неспециалистам, по их мнению, грозило тем, что артиллерия – ученый род войск – растеряет свою ученость. – *Ред.*

зию на четыре бригады, причем создадутся бригады по 2500 человек; но, говоря теоретически, первое деление нам кажется предпочтительным, ибо при втором делении у нас уже получается на одну иерархическую ступень больше, и сверх того пять частей для подразделения армии мало, так как это делает ее недостаточно гибкой; то же можно сказать и о четырехдивизионном корпусе, а бригада в 2500 человек – бригада слабая; таких бригад у нас окажется 80, в то время как первое деление, имевшее их всего 50, было тем самым проще. Стоит ли отказываться от всех этих преимуществ лишь для того, чтобы главнокомандующему пришлось иметь дело с половинным числом генералов! Ясно само собою, что в не столь многочисленных армиях деление на корпуса представляется еще более неуместным.

Таковы отвлеченные соображения по этому предмету. Конкретный случай может, конечно, сопровождаться основаниями, которые приведут к иному решению. Прежде всего надо признать, что если еще можно управлять восемью или десятью дивизиями, объединенными в армию на равнине, то при растянутом расположении в горах, пожалуй, командование ими оказалось бы невозможным. Широкая река, разделяющая армию на две равные части, заставит назначить особого начальника над каждой половиной. Короче говоря, могут быть сотни местных конкретных обстоятельств, перед которыми должно отступить отвлеченное правило.

Однако опыт учит нас, что эти отвлеченные основания все

же применяются чаще всего и вытесняются частными случаями гораздо реже, чем это можно было бы предполагать.

Мы позволим себе обрисовать в кратких чертах общий объем всех этих соображений, сопоставив при этом отдельные, более веские замечания.

Разумея под членами целого лишь те, которые получают-ся от первого подразделения, т. е. непосредственно подчиненные, мы говорим:

1) если у целого слишком мало членов, оно становится негибким;

2) если члены целого чересчур крупны, то это ослабляет силу высшего командования;

3) с каждой ступенью, по которой проходит приказание, сила его ослабляется по двум причинам: во-первых, вследствие утраты, происходящей от передачи через новую инстанцию; во-вторых, вследствие задержки во времени, которая вызывается этой передачей.

Все это служит основанием, чтобы число рядом стоящих единиц было возможно больше, а число инстанций – возможно меньше. Предел здесь ставится лишь тем, что армейское командование может с удобством управлять не более, чем восемью или десятью членами, а низшие инстанции – только четырьмя или шестью.

2. Объединение родов войск.

Для стратегии объединение различных родов войск в боевом порядке важно лишь в отношении тех частей, которые,

согласно обычному ходу дела, часто располагаются отдельно, причем они могут быть вынуждены самостоятельно вступить в бой. Для этого, естественно, предназначаются члены *первого порядка* и главным образом только они, ибо, как мы в этом будем иметь случай убедиться, образование отдельных групп большей частью вытекает из самого понятия целого и его потребностей.

Поэтому, строго говоря, стратегия должна была бы требовать постоянного соединения разных родов войск лишь в составе корпусов, а если этой единицы не существует, то в составе дивизий, и допускать в членах низшего порядка лишь временное объединение, когда то оказывается необходимым.

Но легко усмотреть, что корпуса, когда они достигают большой численности, от 30000 до 40000 человек, лишь в редких случаях будут занимать одно нераздельное расположение, следовательно, такие крупные корпуса нуждаются в объединении различных родов войск и в дивизиях. Тот, кто ставит ни во что задержку, происходящую при всяком спешном откомандировании, когда приходится придавать пехоте кавалерийскую часть, которая должна прибыть из довольно удаленного, может быть, пункта, — мы не говорим уже о путанице, которая может при этом произойти, — тот, очевидно, не обладает никаким военным опытом.

Вопросы, уточняющие условия объединения трех родов войск, определяющие, до каких пределов оно может спус-

каться, насколько тесным оно должно быть, какие при нем должны соблюдаться соотношения, какие резервы каждого рода оружия должны быть оставлены, относятся полностью к тактике.

3. Построение.

Решение вопроса о том, в каких пространственных соотношениях между собою должны быть построены в боевом порядке отдельные части армии, точно так же принадлежит всецело тактике, так как определяется только сражением. Правда, существует и стратегическое построение, но оно зависит почти исключительно от задач и требований данной минуты, а то, что в нем имеется рационального, не содержится в значении, которое вкладывается в понятие боевого порядка¹⁵, поэтому мы рассматриваем его в следующей главе под заглавием «Группировка армии».

Боевой порядок армии есть, следовательно, подразделение ее и построение в упорядоченной для сражения массе. Части должны быть так сцеплены, чтобы как тактические, так и стратегические требования данной минуты могли быть легко удовлетворены любой отдельной частью, изъятой из общей массы. Как только минует потребность данного момента, части тотчас снова становятся на свои места; таким путем боевой порядок становится первой ступенью и осно-

¹⁵ Стратегическое построение признается Клаузевицем лишь как внебоевой порядок, так как раз бой начался, построение представляет тактический порядок. — Ред.

вой того благотворного методизма, который на войне, подобно качанию маятника, регулирует все дело и о котором мы уже говорили в IV главе 2-й части.

Глава VI. Группировка армии¹⁶

Между моментом начального сосредоточения вооруженных сил и моментом созревшего решения, когда стратегия поведет армию на решительный пункт, а тактика укажет каждой части ее место и роль, в большинстве случаев имеет место значительный промежуток времени. Точно так же одна решающая катастрофа отделяется во времени от следующей¹⁷.

Прежде такие промежутки до известной степени как бы не являлись войной. Вспомним хотя бы, как Люксембург¹⁸ располагался лагерем и совершал переходы. Мы обращаемся к действиям этого маршала потому, что он прославился своими лагерями и маршами, а следовательно, может считаться представителем своей эпохи, к тому же мы о нем больше знаем, чем о каком-нибудь другом современном ему полководце, из «Histoire de la Flandre Militaire»¹⁹.

¹⁶ Дословно: общее построение армии. – *Ред.*

¹⁷ В настоящее время кризис первой крупной операции отделяется от момента окончания разворачивания всего несколькими днями. Под катастрофой Клаузевиц разумеет, очевидно, крупное боевое столкновение. – *Ред.*

¹⁸ Военная карьера Люксембурга продолжалась с 1643 по 1694 г.г. Расцвет ее относится к Нидерландским походам Людовика XIV в последней четверти XVII века. Мемуары Люксембурга были изданы в 1758 г. – *Ред.*

¹⁹ Походы Люксембурга лучше всего освещены в мемуарах Фекьера – наиболее распространенном в XVIII веке военно-научном труде. – *Ред.*

Лагери, как правило, упирались тылом вплотную к реке или болоту, или же к глубокому оврагу, что теперь сочли бы безумием. Фронт расположения отнюдь не определялся направлением, в котором находился неприятель, и часто бывали случаи, когда лагерь был обращен тылом к неприятелю, а фронтом к собственной стране. Такой неслыханный в наши дни образ действий может быть объяснен исключительно тем, что при выборе места под лагерь руководствовались главным образом и почти исключительно соображениями удобства, а на лагерное расположение смотрели как на состояние вне акта войны, так сказать, за кулисами сцены, где нет надобности стесняться. Что тылом всегда прислонялись вплотную к какой-нибудь естественной преграде, составляло, пожалуй, единственную меру предосторожности, которую при этом считали нужным принимать, правда, в духе тогдашнего способа вести войну. Ведь такая мера вовсе не подходила к случаю, если бы нас вынудили к бою в таком лагере. Впрочем, этого почти и не приходилось опасаться, ибо сражения происходили чуть ли не по обоюдному соглашению, – подобно дуэли, когда отправляются на удобное для обеих сторон rendez-vous²⁰. Так как армии, отчасти из-за своей кавалерии, – которая даже на закате своей славы рассматривалась, особенно у французов, еще как главный род войск, – отчасти же вследствие беспомощности боевого порядка, не могли сражаться на всякой местности, то, распо-

²⁰ Место встречи. – *Ред.*

ложившись на пересеченном пространстве, они оказывались как бы под охраной нейтральной территории; но так как и сами они не могли использовать пересеченную местность, то предпочитали выходить для сражения навстречу наступающему противнику.

Правда, мы знаем, что сражения, данные Люксембургом под Флерюсом, Стеенкеркеном и Неервинденом, были проведены им как раз в другом духе, но этот дух являлся тогда новым творчеством этого великого полководца, отрывавшимся от прежних методов; на методе же размещения лагеря он еще не успел отразиться. Все изменения в военном искусстве всегда исходят из сферы решительных действий, а через их посредство постепенно видоизменяются и все прочие действия. Насколько мало смотрели на расположение лагерем как на настоящее состояние войны, доказывает выражение «il va a la guerre»²¹, которое применяли к партизану, отправлявшемуся из лагеря для наблюдения за неприятелем.

Немногим отличались от этого и марши, при которых артиллерия совершенно отделялась от армии, чтобы следовать по более безопасным и удобным дорогам, а обе массы кавалерии менялись местами на крыльях, дабы честь быть на правом крыле выпадала на долю каждой поочередно.

Теперь же, т. е. преимущественно со времени Силезских войн, состояние вне боя настолько проникнуто отношением к бою, что оно находится с ним в самом тесном взаимодей-

²¹ Он идет на войну. – *Ред.*

ствии, и совершенно невозможно мыслить одно в его целом без другого. Прежде в течение кампании бой был оружием в собственном смысле слова, а состояние вне его — лишь рукояткой: первый — стальной клинок, второе — лишь прикрепленный к нему деревянный стержень, и, следовательно, целое состояло из разнородных частей, а теперь на бой надо смотреть, как на лезвие, а на состояние вне боя — как на тупую сторону оружия, целое же является хорошо выкованным металлом, в котором уже нельзя различить, где начинается сталь и где кончается железо.

Это бытие на войне вне боя определяется в наше время отчасти организацией и порядком службы, которые армия приносит из распорядка мирного времени, отчасти же тактическими и стратегическими требованиями данной минуты. Есть три состояния, в которых могут находиться вооруженные силы: квартирное расположение, марши, бивак. Все они одинаково принадлежат к тактике и стратегии. Последние, близко соприкасаясь в данном случае между собою, часто словно вторгаются в область одна другой; порою действительно это имеет место, и многие вопросы могут одновременно рассматриваться и как тактические, и как стратегические.

Мы поговорим об этих трех формах бытия вне боя в общих чертах, пока не связывая их с особыми целями; поэтому мы должны прежде всего рассмотреть общую группировку боевых сил, ибо она представляет как для бивака, так и для

расквартирования и для маршей распорядок высшей объемлющей категории.

Если рассматривать группировку вооруженных сил в общем, т. е. безотносительно к особым целям, то мы можем ее мыслить лишь как единство, т. е. как целое, предназначенное для совместного удара, ибо всякое отклонение от этой простейшей формы уже предполагало бы какую-нибудь особую цель. Таким образом, возникает понятие армии, безразлично – крупной или малой.

Далее, там, где отсутствуют какие-либо особые цели, выступает на первый план задача *сохранения*, а следовательно, *безопасности* армии. Таким образом, армия должна иметь возможность существовать без особых невзгод, и она же должна иметь возможность вступить в бой, сосредоточившись и не попадая в особо невыгодное положение, – вот два необходимых условия. Отсюда вытекают дальнейшие условия, касающиеся существования и безопасности армии:

- 1) легкость снабжения продовольствием;
- 2) удобство размещения;
- 3) обеспеченность тыла;
- 4) свободная полоса местности впереди;
- 5) расположение самой группировки на пересеченной местности;
- 6) стратегические опорные пункты;
- 7) целесообразная группировка.

По отдельным пунктам мы можем дать следующие пояс-

нения.

Первые два пункта побуждают к тому, чтобы отыскивать районы населенные и культурные, большие города и проезжие дороги. Они важнее для общего решения, чем для частных.

То, что мы разумеем под обеспеченностью тыла, вытекает из содержания главы о коммуникационных линиях²². Ближайшее и важнейшее условие в этом отношении – это занятие фронта, перпендикулярного к направлению, которое имеет главный путь отступления вблизи от нашего расположения.

Что касается четвертого пункта, то хотя армия и не может обозревать всю полосу лежащей перед ней местности, как она может обозревать пространство перед фронтом при расположении для сражения, но ее стратегическим оком служат авангард, высланные вперед разъезды, лазутчики и пр.; конечно, для этих органов наблюдение на открытой местности легче, чем на пересеченной. Пункт пятый представляет лишь обратную сторону четвертого пункта.

Стратегические опорные пункты отличаются от тактических двумя свойствами: во-первых, тем, что нет необходимости, чтобы армия непосредственно с ними соприкасалась, и, во-вторых, тем, что они должны быть гораздо обширнее. Причина этого лежит в том, что по самой своей природе стратегия вообще вращается в более обширных условиях

²² См. далее главу XVI части 5-й. – *Ред.*

пространства и времени, чем тактика. Таким образом, если армия разместится на расстоянии одной мили от морского побережья или берега очень большой реки, то стратегически она будет опираться на эти предметы, ибо неприятель не имеет возможности использовать это пространство для стратегического обхода. Он не может углубиться в него на целые дни и недели, на расстояние миль и полных переходов. Напротив того, озеро в несколько миль окружности едва ли в стратегии можно рассматривать как препятствие; при способах действия, свойственных стратегии, несколько миль вправо или влево обыкновенно не составляют вопроса. Крепости могут служить стратегическими опорными пунктами постольку, поскольку они достаточно значительны и могут позволить предпринимать наступательные действия на значительное удаление.

Размещение армии отдельными группами обуславливается или особыми целями и потребностями, или же соображениями общего порядка; здесь речь может идти лишь о последних.

Первая общая потребность — это выдвижение вперед авангарда и других частей, предназначенных для наблюдения за противником.

Вторая заключается в том, что в очень крупных армиях и резервы отодвигаются обыкновенно на несколько миль назад, что ведет к размещению их отдельной группой.

Наконец, прикрытие обоих флангов армии требует обык-

новенно отдельно расположенных корпусов.

Под этим прикрытием не следует разуметь, будто выделяется часть армии, чтобы защищать пространство, находящееся на фланге, дабы сделать этот так называемый слабый пункт недоступным для неприятеля. Кто же тогда будет охранять фланг фланга? Это столь распространенное представление – совершеннейшая нелепость. В сущности фланги сами по себе вовсе не являются слабыми частями армии, ибо и у противника тоже есть фланги и он не может угрожать нашим флангам, не подвергая опасности свои. Лишь в том случае, когда условия неравны, когда неприятельская армия сильнее нашей или имеет лучшие сообщения (см. «Коммуникационные линии»), фланги становятся более слабыми частями армии; но здесь мы не имеем в виду этих особых случаев, а следовательно, не говорим и о том случае, когда фланговому отряду действительно будет поручено в связи с другими комбинациями защищать пространство, находящееся на нашем фланге, ибо это уже не входит в категорию общих распоряжений.

Но если фланги и не являются особенно слабыми частями, они все же крайне *важные* части, ибо здесь, благодаря возможности обхода, сопротивление уже не так просто, как на фронте, мероприятия становятся сложнее и требуют больше времени и приготовлений. По этой причине в большинстве случаев является необходимость оградить фланги от непредвиденных предприятий со стороны противника; это достига-

ется сосредоточением на флангах более крупных масс войск, чем это необходимо для простого наблюдения. Чем больше эти массы, тем оттеснение их, даже если они не будут оказывать особо упорного сопротивления, потребует большего времени, большего развертывания неприятельских сил и приведет к более ясному раскрытию его намерений; этим наша цель уже будет достигнута; то, что должно последовать, зависит уже от особых планов, намечающихся в данный момент. Поэтому на части, расположенные на флангах, можно смотреть как на боковые авангарды, задерживающие продвижение противника в пространстве, находящемся за пределами наших крыльев, и обеспечивающие нам время принять соответственные меры для противодействия.

Если этим частям предстоит отходить на главные силы, а последние не начнут одновременно отступать, то очевидно, что они должны быть расположены не на линии общего фронта, а несколько выдвинуты вперед, ибо отступление даже тогда, когда к нему приступают, еще не ввязавшись в серьезный бой, не должно иметь характера резкого бокового движения.

Из этих внутренних оснований для раздельного построения и возникает естественная система четырех или пяти отдельных групп; эти цифры разнятся в зависимости от того, держится ли резерв при главных силах или нет.

Вопросы довольствия и размещения войск, которые вообще приходится учитывать при разрешении вопроса постро-

ения, надлежит не упускать из виду и при принятии группового построения. Заботы о продовольствии и размещении должны уложиться в одно русло с рассмотренными выше требованиями; идя навстречу одним, надо не слишком много поступаться другими. В большинстве случаев разделением армии на пять отдельных частей устраняются затруднения, связанные с довольствием и размещением войск, а потому хозяйственные соображения не внесут больших изменений.

Теперь нам остается еще бросить взгляд на удаление, в котором могут располагаться эти отдельные части, сохраняя возможность взаимной поддержки, т. е. совместного вступления в бой. Здесь мы напомним то, что было сказано в главах о продолжительности и решении боя²³; в этом отношении, как мы и говорили, абсолютных данных быть не может, ибо в данном вопросе абсолютная и относительная силы армии, родов войск и условия местности оказывают огромное влияние; надо ограничиться лишь общими соображениями и иметь в виду средние выводы.

Расстояние, на котором может находиться авангард, определить легче всего: так как при своем отступлении он отходит на главные силы, то это расстояние во всяком случае может доходить до большого перехода, причем авангард еще не подвергается риску быть вынужденным дать отдельное сражение. Но его не следует продвигать дальше, чем того тре-

²³ Главы VI и VII части 4-й. — *Ред.*

будет безопасность армии, так как чем больше ему придется отходить, тем большие потери он понесет.

Что касается частей, расположенных на флангах, то, как мы уже говорили, бой нормальной дивизии в 8000-10000 человек обычно длится несколько часов, даже полдня, прежде чем наступит решение; поэтому можно без опасения расположить такую дивизию на расстоянии нескольких часов ходьбы, т. е. на расстоянии до двух миль, по тем же основаниям корпус в три или четыре дивизии может быть удален на расстояние дневного перехода, т. е. 3—4 мили.

Из этого естественного построения главной массы, разделенной на четыре или пять групп, находящихся друг от друга на указанных расстояниях, возникает известный методизм, который будет автоматически развертывать армию, если только не скажутся решительным образом преследуемые армией особые цели.

Хотя мы и исходим из предпосылки, что каждая из этих отделенных друг от друга групп приспособлена к самостоятельному бою и что каждая из них может оказаться вынужденной принять таковой, но отсюда вовсе не следует, что *истинная задача* такого построения заключается именно в ведении боя порознь; обычно необходимость такого раздельного построения представляет лишь временное условие бытия. Как только противник приблизится к расположению армии, дабы добиться боем решения, период стратегии кончается, все сосредоточивается к моменту боя, и вместе с тем

минуют и исчезают цели отдельной группировки. Когда начинается сражение, всякие соображения о продовольствии и расквартировании отпадают; наблюдение за неприятелем на фронте и флангах и ослабление его наскока умеренным отпором уже сыграли свою роль, и все теперь стремятся к великому единству генерального сражения. И лучшим критерием для суждения о правильности группировки будет мысль, что разделение сил есть уступка требованиям, неизбежное зло и что конечной целью построения является совместный бой.

Глава VII. Авангард и сторожевое охранение

Вопросы об авангарде и сторожевом охранении принадлежат к числу тех, в которых тактические и стратегические нити взаимно сплетаются. С одной стороны, их надо отнести к распорядку, придающему бою определенное оформление и обеспечивающему выполнение тактических предположений, с другой – они часто ведут к самостоятельным боям и вследствие большего или меньшего удаления от главных сил должны рассматриваться как звенья стратегической цепи, это отдельное их расположение и побуждает нас в дополнение к сказанному в прошлой главе несколько на них задержаться.

Войска, не вполне готовые к бою, всегда нуждаются в передовых частях, дабы заблаговременно быть осведомленными о приближении неприятеля и произвести разведку раньше, чем неприятель окажется в пределах кругозора главных сил, ибо последний простирается обычно немногим дальше досягаемости оружия. В каком положении оказался бы человек, глаза которого видели бы не дальше, чем хватают его руки! Сторожевое охранение – глаза армии; это было сказано уже давно. Но потребность в передовых частях не всегда бывает одинаковой; степени ее различны. Силы, расстояние, время, место, обстоятельства, характер войны, даже

случайность — все это оказывает на них влияние, а потому не приходится удивляться, если в военной истории пользование авангардом и сторожевым охранением представляется нам не в простых определенных очертаниях, а как беспорядочный сонм разнообразнейших образцов.

Мы видим, что безопасность армии вверяется то определенному отряду — авангарду, то длинной цепи отдельных сторожевых постов; порой мы встречаем и то и другое одновременно, а порой ни о том, ни о другом нет и речи; то у продвигающихся колонн имеется один общий авангард, то каждая имеет свой, отдельный. Мы попытаемся отдать себе ясный отчет в этом вопросе и посмотреть, нельзя ли охватить практику несколькими основными правилами.

Если войска находятся в движении, то более или менее крупный отряд образует их передовую часть, т. е. авангард, а в случае, если совершается отступательное движение, — арьергард. Если армия расположена на квартирах или бивакирует, то передовая ее часть образуется длинной цепью слабых постов — сторожевым охранением. По самой природе вещей, стоя на месте, армия может и должна быть прикрыта на большем пространстве, чем когда она движется. Таким образом, в первом случае само собою возникает понятие цепи постов, а во втором — сосредоточения отряда.

Авангард и сторожевое охранение бывают различной силы, начиная от значительного соединения из всех родов войск и кончая гусарским полком; начиная от укрепленной,

занятой всеми родами войск оборонительной линии и кончая простыми, высланными за черту лагеря парными часовыми и пикетами²⁴. Поэтому роль таких передовых частей колеблется от простого наблюдения до оказания сопротивления наступающему противнику; такое сопротивление служит не только для того, чтобы дать время главным силам изготавиться к бою, но и для того, чтобы заставить противника преждевременно развернуться, что в значительной мере увеличит ценность наблюдений над его мероприятиями и намерениями.

Сила авангарда и сторожевого охранения будет больше или меньше в зависимости от того, сколько времени требуется для изготавки войск, а также от того, в какой степени организация нашего сопротивления должна быть сообразована с особыми мероприятиями противника.

Фридрих Великий, которого можно назвать наиболее готовым к бою полководцем и который вел свою армию в сражении почти непосредственно по команде, не нуждался в сильном сторожевом охранении. Поэтому мы его часто видим располагающимся лагерем на глазах у неприятеля и обеспечивающим себя то гусарским полком, то батальоном легкой пехоты или парными часовыми и пикетами, которые наряжались из лагеря. Во время маршей несколько тысяч сабель кавалерии, большей частью с правого крыла первой линии, составляли авангард; по окончании перехода последний

²⁴ Пикет – небольшая конная застава. – *Ред.*

присоединялся к главным силам. Лишь изредка встречаются случаи образования постоянного авангардного отряда.

Если небольшая армия стремится действовать напористо, всей тяжестью своей массы, чтобы использовать превосходство своей выучки и решимости командования, то все должно совершаться почти «*sous la barbe de l'ennemi*»²⁵, так, как действовал Фридрих Великий против Дауна. Отнесение центра тяжести главных сил назад и сложная система охранения совершенно парализовали бы его преимущества. Ошибки и увлечения в этом отношении могли однажды привести к поражению при Гохкирхе, но это вовсе не свидетельствует против такого способа действий; напротив, в том-то и приходится видеть мастерство короля, что за все Силезские войны было лишь одно сражение при Гохкирхе.

Между тем мы видим, что Бонапарт, у которого, конечно, имелись и прекрасная армия и решимость, почти всегда двигался при наличии сильного авангарда. Это вызывалось двумя причинами.

Первая вытекала из изменений, происшедших в тактике. Теперь уже не ведут армию в бой как несложное целое, не управляют уже ею простой командой, и сражение не решается большей или меньшей храбростью и искусством, как большая дуэль; приходится ближе приспособлять свои боевые силы к особенностям местности и обстановки; боевой порядок, а следовательно, и сражение обратились в многочленное

²⁵ Под носом у неприятеля. — *Ред.*

целое; отсюда даже простое решение разрастается в сложный план, а короткая команда – в более или менее длинную диспозицию; это требует времени и выбора надлежащего момента для отдачи распоряжений.

Вторая причина заключается в огромном размере современных армий. Фридрих вел в сражение 30000-40000 солдат, а Бонапарт 100000-200000.

Мы выбрали эти два примера потому, что от столь великих полководцев мы вправе ожидать, что они не изберут без всякого основания какой-либо постоянный метод действия. Вообще пользование авангардом и сторожевым охранением в новейшее время значительно развилось. Но и в эпоху Силезских войн не все поступали подобно Фридриху Великому; мы видим у австрийцев гораздо более сильную систему сторожевого охранения и более частое выдвижение крупного авангарда, на что они имели достаточные основания по своему положению и обстоятельствам. Точно так же наблюдается значительное разнообразие и в современных войнах. Даже французские маршалы Макдональд в Силезии, Удино и Ней в Бранденбурге маневрируют с армиями в 60000-70000 человек, причем ни о каком авангарде мы не встречаем указаний.

До сих пор мы говорили об авангардах и сторожевом охранении с точки зрения степени их силы; существует, однако, и другая черта различия, в которой нам необходимо разобраться. Дело в том, что когда армия, занимающая известное

пространство, продвигается общим фронтом вперед или назад, она может для всех своих колонн,двигающихся параллельно, иметь один общий авангард, или один общий арьергард, или же отдельные авангарды и арьергарды для каждой колонны. Чтобы уяснить себе этот вопрос, мы должны на править наши рассуждения следующим путем.

По существу, если имеется отдельный отряд, получивший название авангарда, то он предназначается лишь для охраны безопасности продвигающихся в центре главных сил. Если последние следуют по нескольким близким друг к другу дорогам, которые могут без затруднения быть заняты авангардом и, следовательно, будут прикрыты им, то, разумеется, боковые колонны не нуждаются в особом прикрытии.

Те же колонны, которые в качестве действительно отдельных отрядов продвигаются на более значительном удалении, должны сами позаботиться о выдвигении своих передовых частей. Колонны, находящиеся в центре в составе главных сил, в связи со случайными уклонами дорог могут также оказаться на слишком большом удалении от центра и должны будут сами позаботиться о себе. Таким образом, возникает столько авангардов, сколько будет параллельно следующих колонн; если каждый из этих авангардов будет гораздо слабее, чем должен был бы быть один общий, то они отойдут в ряд других тактических мероприятий, а в стратегическом смысле авангарда вовсе не будет. Если же главная масса в центре будет иметь в качестве передовой части один более

крупный отряд, то последний будет фигурировать как авангард целого и во многих отношениях выполнять его задачи.

Что же, однако, может служить поводом к тому, чтобы центру придать гораздо более крупную передовую часть, чем флангам?

Тому имеются следующие три причины:

1. В центре обычно продвигается более сильная масса войск.

2. Из всей полосы, занимаемой армией в ширину, центр как таковой всегда остается самой важной частью, ибо все планы имеют отношение преимущественно к нему, а потому и поле сражения обычно бывает ближе к нему, чем к флангам.

3. Выдвинутый в центре отряд, если и не может охранять фланги, как подлинная их передовая часть, все же в значительной мере хотя и косвенным образом, содействует их безопасности. Дело в том, что в обыкновенных случаях неприятель не может пройти мимо этого отряда на известном расстоянии, чтобы предпринять что-нибудь значительное против фланга, не подвергая при этом себя самой опасности атаки во фланг и тыл. Если влияние, оказываемое выдвинутым из центра отрядом на противника, и недостаточно, чтобы строить на нем полную уверенность в безопасности боковых колонн, то все же оно может устранить множество неприятностей, которые боковым колоннам уже не будут страшны.

Таким образом, если передовая часть средней колонны гораздо сильнее, чем передовые части боковых колонн, и, следовательно, представляет отдельный авангард, то задача ее уже не простое назначение передовой части – обеспечить от внезапного нападения войска, находящиеся за ней, а выполнение стратегической роли выдвинутого вперед отряда.

Использование этого отряда можно свести к следующим заданиям, определяющим и его практическое применение:

1. В тех случаях, когда для принятия нами соответственного построения требуется много времени, оказать более сильное сопротивление и принудить противника наступать с большой осторожностью, – следовательно, выполнить в повышенной степени задачу нормальных передовых частей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.